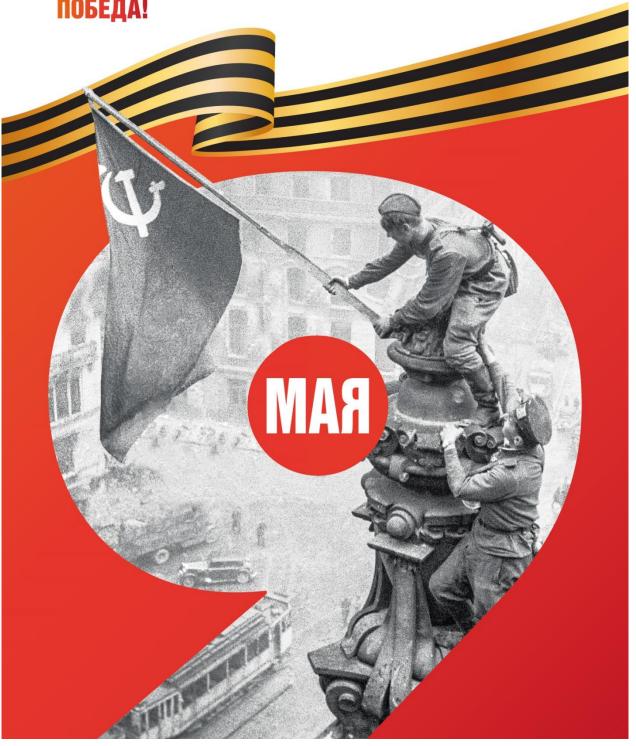

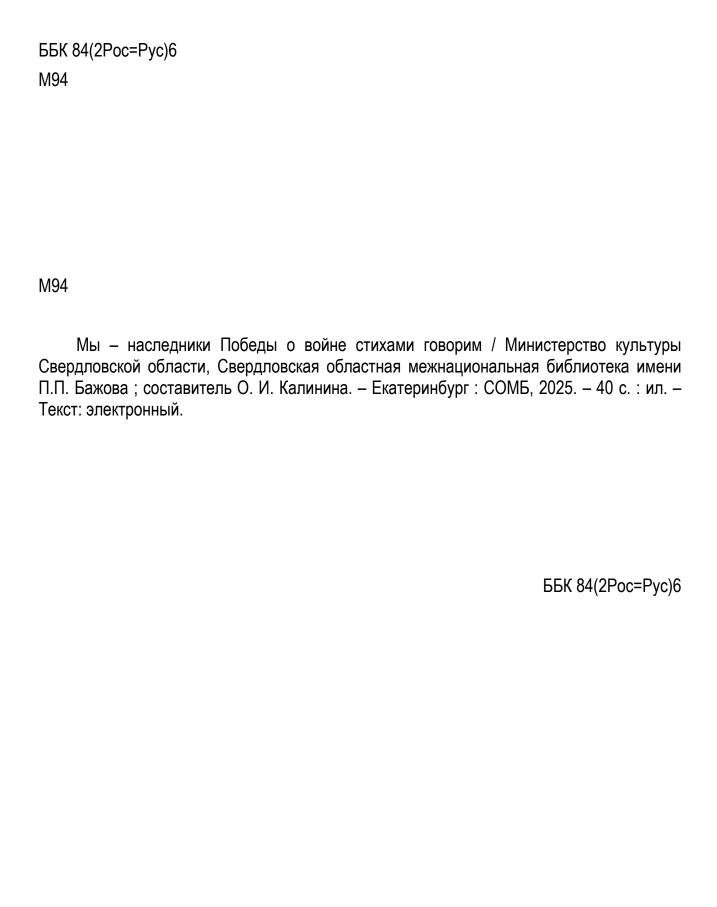
ГОРДИМСЯ!

1945-2025

Министерство культуры Свердловской области Свердловская областная межнациональная библиотека имени П.П. Бажова

Мы – наследники Победы о войне стихами говорим

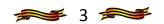

Все дальше и дальше от нас уходят поколения, пережившие эти труднейшие военные годы. Мы живем в новом тысячелетии, в другой стране с другой идеологией. Все вокруг поменялось: города, жизнь людей, их взгляды. Но есть то, что должно всегда присутствовать в нашей жизни. Это память. Память — это то, что человек может пронести через годы, а в данном случае это историческая память о великом и трагическом для всего нашего народа событии. В наших силах не забывать о цене той войны.

Сохранение памяти о войне возможно через документальные и художественные фильмы, литературные произведения. Именно они являются своеобразным литературным памятником тем, кто не дожил до великой Победы, но сделал всё, чтобы приблизить её. В память о Великой Победе прочтите хорошую книгу о войне или хотя бы одно стихотворение. Окунитесь в ту лихую годину, ощутите дыхание времени, переживите вместе с героями боль, гнев, отчаяние, восторг, чувство любви ко всему живому и настоящему.

Читайте, люди, книги о войне!
Не бойтесь слёз, и горечи, и страха
Читайте, люди, книги о войне,
И не стыдитесь горевать, и плакать.
Ведь те, кого не стало за войну,
Кого сожгли, убили, растоптали,
Они за нас, за наши жизни пали.
И то, что живы мы, а не они,
Случайности жестокая примета.
Храните в душах вечные огни,
И дорожите их горчайшим светом!

Руфь Тамарина

Эти проникновенные строки участницы войны, писателя Руфи Тамариной не случайно стали нашим эпиграфом. Читая книги о войне, мы возвращаемся в те далёкие годы, оживляем в своей памяти не только описанные события и героев, но и вспоминаем своих родственников, земляков, воевавших на фронте, ковавших победу в тылу. Сегодня мы предлагаем Вашему вниманию, уважаемые читатели, нашу подборку стихов поэтов послевоенного поколения. Это позволит объединить самые разные представления о военном прошлом в одно.

В пятидесятых рождены, Войны не знали мы, но все же В какой-то мере все мы тоже Вернувшиеся с войны.

Николай Дмитриев

Среди поэтов послевоенных поколений, писавших о войне, многие – даже большинство – больно задеты войной. Они были если не прямыми, то косвенными ее участниками.

«Наше поколение по возрастной причине не участвовало в Великой Отечественной войне, но горечь первых отступлений, страдание под гнетом оккупации, блокадный холод, липкий хлеб эвакуации пополам с полынью и лебедой, шелест похоронок в руках наших матерей, стремительный страх потерять продуктовые карточки, спрятанные в холщовом мешочке на шее, — все это было суровой начальной школой нашего поколения.

Мы — дети войны, мы — зеленые, еще не окрепшие побеги на древке Знамени Победы, водруженном над рейхстагом. Мы — дети тяжелых послевоенных лет, когда наш народ поднимал еще усталыми от оружия руками фабрики и заводы из руин»,— говорил о себе и своем поколении Евгений Евтушенко.

Это поколение дало нашей поэзии Владимира Соколова, Анатолия Жигулина, Глеба Горбовского, Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского, Владимира Цыбина, Андрея Вознесенского и многих других поэтов.

Хотят ли русские войны? Спросите вы у тишины над ширью пашен и полей и у берез и тополей. Спросите вы у тех солдат, что под березами лежат, и пусть вам скажут их сыны, хотят ли русские войны. Не только за свою страну солдаты гибли в ту войну, а чтобы люди всей земли спокойно видеть сны могли. Под шелест листьев и афиш ты спишь, Нью-Йорк, ты спишь, Париж. Пусть вам ответят ваши сны, хотят ли русские войны. Да, мы умеем воевать, но не хотим, чтобы опять солдаты падали в бою на землю грустную свою. Спросите вы у матерей, спросите у жены моей, и вы тогда понять должны, хотят ли русские войны.

Задохнулись канонады. В мире – тишина. На большой земле однажды Кончилась война.

Будем жить, встречать рассветы, Верить и любить, Только не забыть бы это! Лишь бы не забыть!

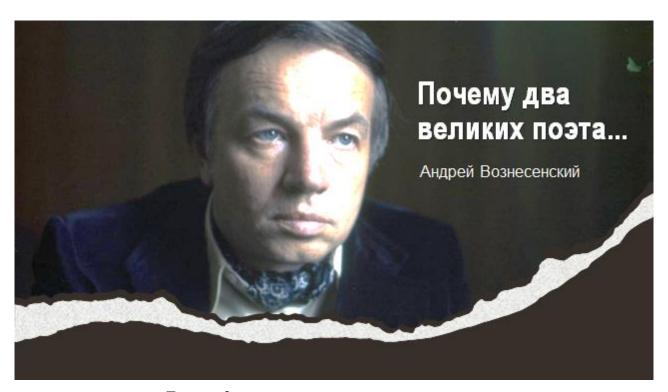
Как всходило солнце в гари И кружилась мгла. А в реке – меж берегами – Кровь-вода текла.

Были чёрными берёзы, Долгими – года. Были выплаканы слёзы Вдовьи навсегда.

Вот опять пронзает лето Солнечная нить. Только не забыть бы это! Лишь бы не забыть!

Эта память — верьте, люди, — Всей земле нужна. Если мы войну забудем, Вновь придёт война.

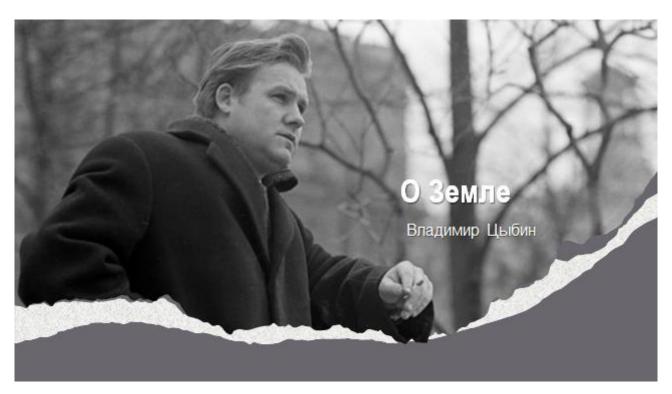

Почему два великих поэта, проповедники вечной любви, не мигают, как два пистолета? Рифмы дружат, а люди – увы...

Почему два великих народа холодеют на грани войны, под непрочным шатром кислорода? Люди дружат, а страны – увы...

Две страны, две ладони тяжелые, предназначенные любви, охватившие в ужасе голову черт-те что натворившей Земли!

Все четыре года убивал Землю И не мог убить металл, Все четыре года, всю войну Убивал он ширь и глубину,

Дали убивал и облака, Чтобы только пепел на века, Землю с каждой каплей дождевой

Всю –

От пограничного столба
С вечною и талою травой,
С запахом пшеничного снопа,
С каждой её балкой, с каждым пнём –
Бил навылет и сжигал огнём,
Но Земля была сильней металла –
Из земли подлески поднимала
И солила первой же весной,
Как краюху хлеба,
Их росой.

Как краюху хлеба, Их росой. Из земель неведомых в апрель Серы гуси глухо пролетают. Крылья, как свистящая шрапнель, Облака навылет пробивают. Вместе с моей памятью, Со мной Кружится спокойно шар земной, Тихо возле Волги, возле Вислы Встали над бессмертьем обелиски. Все четыре года убивал Землю

И не мог убить металл, — Столько пустырей на ней и швов, Сколько, может быть, Солдатских вдов! Как ей руки нежные нужны Тех.

Кто не пришёл назад с войны! А земля пускала снова ветви, Тяжелела от дождей и рос. И жила.

И мы на ней бессмертны,
Пусть хоть пядь её всего,
Хоть горсть.
Слышу – тихо дышит подо мной
Тёплой своей
Мякотью грибной,
И от тишины до тишины –
Словно от войны
И до войны!..

Уже война почти что в старину. В ряды легенд вошли сражений были. По книжкам учат школьники войну, А мы ее по сводкам проходили.

А мы ее учили по складам — От первых залпов городских зениток До славы тех салютов знаменитых, Которых силу я не передам.

Войну, что опаляла наши дали, В века отбрасывая зарев тень, В холодных классах нам преподавали И на дом задавали каждый день.

И мы прошли под зимний звон ветров И песен, порохом ее пропахших, От тяжких слов о гибели отцов До возвращенья без вести пропавших!

Я речь о том повел не оттого, Что захотелось просто вспомнить детство, А потому, что лишь через него Я в силах в быль великую вглядеться

И рассмотреть, что в грозном том году И мы забыли тишь (без сожалений!), Чтоб стать сегодня равными в ряду Проверенных войною поколений.

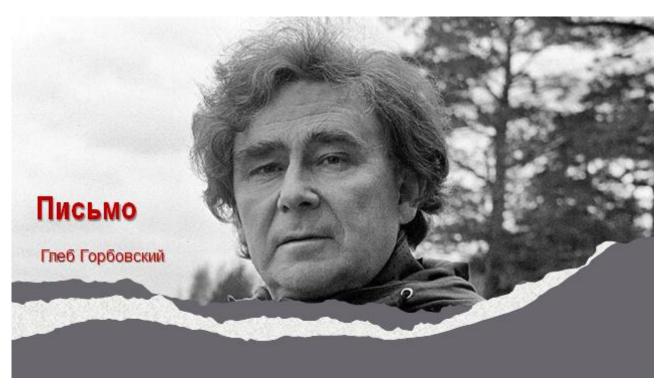
Как жалобно ястреб кричит На этой опушке глухой! И ветер полынью горчит И трогает вереск сухой.

Здесь чёрные листья дрожат На старых кустах бузины. Здесь чёрные гильзы лежат В окопах последней войны.

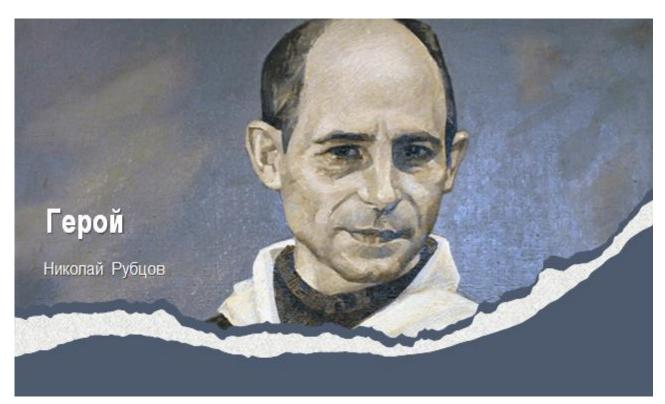
Как много простора для глаз! Какое безлюдье кругом! И снова в назначенный час За лесом гремит полигон.

И клочья колючей стерни Взлетают над полем седым. И давние горькие дни Напомнил тротиловый дым...

А к ночи — опять тишина. Лишь ветер гуляет в бору. Как будто уснула война И снова проснётся к утру.

На дне окопного оврага Добыл я гильзу из стены А в ней – истлевшая бумага, Письмо, пришедшее с войны. Должно быть, кто-то перед боем Смочил графит карандаша И с перемазанной губою Писал, как думал – не спеша Вручал слова бумаге бренной, Писал, склоняясь к фитилю... И вот слова сожрало время И лишь одно сквозит: «люблю»... Одно осталось... Но упрямо Горит сквозь всё, что в жизни есть... ...Что он «любил»?.. Отчизну? Маму? Иль ту, которую?.. Бог весть. Любил, и всё! Не по приказу. А по приказу он в тот раз, Наверно, встал и умер сразу. И вот воскрес, Во мне. Сейчас!!!

Снова к горлу приставив штык, Продолжает фашист допрос. Снова в этот жестокий миг, Стиснув зубы, молчит матрос! Скрывший волей жестокость мук Взгляд лишь ненависть означал, И, не выдержав взгляда, вдруг: – Сжечь его! – фашист закричал. ...Злые тени сползали с крыш, Мгла моталась во все края. Гневный голос прорезал тишь: – Отомстите... друзья! И когда моряки в село Ворвались сквозь огонь и смерть, О, как яростно и тяжело На врагов обрушилась месть! Горько было: погиб герой. И по-воински как с родным,

С обнажённою головой Каждый молча простился с ним Всё друзьям рассказал о нём Лучше слов и любых примет Обожжённый с краёв огнём Комсомольский его билет! Над могилою у берёз, Где так ласков русский пейзаж, Баянист, не скрывая слёз, Сыграл похоронный марш! А когда, будто кровь с земли, Встало утро в красных лучах, Моряки из села ушли С пулемётами на плечах. Плакал ветер над пеплом нив, А матросы спешили в бой С гневным сердцем. Каждый из них Был таким же, как тот герой.

Почему всё не так? Вроде – всё как всегда: То же небо – опять голубое,

Тот же лес, тот же воздух и та же вода... Только – он не вернулся из боя.

Мне теперь не понять, кто же прав был из нас

В наших спорах без сна и покоя. Мне не стало хватать его только сейчас

- Когда он не вернулся из боя. Он молчал невпопад и не в такт подпевал, Он всегда говорил про другое, Он мне спать не давал, он с восходом вставал, – А вчера не вернулся из боя. То, что пусто теперь, – не про то разговор:

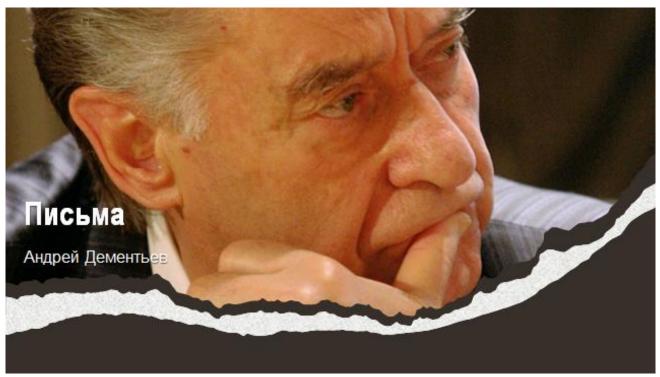
Вдруг заметил я— нас было двое... Для меня— будто ветром задуло костёр, Когда он не вернулся из боя. Нынче вырвалось, будто из плена весна, ____

По ошибке окликнул его я: «Друг, оставь покурить!» А в ответ – тишина:

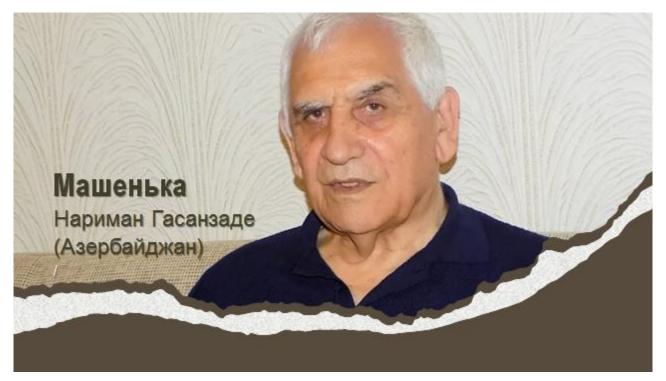
Он вчера не вернулся из боя. Наши мёртвые нас не оставят в беде, Наши павшие – как часовые... Отражается небо в лесу, как в воде, – И деревья стоят голубые. Нам и места в землянке хватало вполне,

Нам и время текло – для обоих... Всё теперь – одному. Только кажется мне –

Это я не вернулся из боя.

Письма... Фотографии в альбоме. Смотрят парни матерям в глаза. Матери их мёртвыми не помнят – Оттого и верят в чудеса. Все они их видят молодыми, Сильными, Как двадцать лет назад... А в округе на родное имя Столько откликается ребят... Разных – Незнакомых и знакомых, Никогда не знавшихся с войной, Ждут их тезок матери домой И глядят на карточки в альбомах. Парни там – Смешливы и красивы, Где им было знать, что скоро в бой. В двадиать лет они спасли Россию! Ну, а что свершили мы с тобой?

Я не зашифрую в псевдониме Грусть и правду повести твоей. Машенька, твое простое имя Станет достоянием друзей.

Годы незаметные мелькнули – Так и не проведали друзья. Что в руке твоей застряла пуля И что вырезать ее нельзя.

Да и как об этом догадаться. Если ты в работе день-деньской И привыкла смолоду чуждаться Суетливой жалости людской.

И к чему об этом суесловить? Ты хозяйка, ты жена и мать, — Надо постирать, обед сготовить, Вымыть пол и в комнате прибрать...

Но весной, когда снега подтают И быстрей бежит по жилам кровь, Боль в руке шалеет, нарастает, Застит взор, изламывает бровь.

Годы быстролетные мелькнули - Так и не проведали кругом: Ты задета не шальною пулей, Ранена лицом к лицу с врагом.

Не отмечен славой персональной Скромный, незаметный подвиг твой. В маленькой квартире коммунальной Ты живешь жилицей рядовой.

Слушал я твои слова простые, Поглядел твое житье-бытье... Пусть тебя узнают молодые, Пусть запомнят мужество твое.

Журавли прилетели, когда наши дороги пролегли под чужим небом, когда чужие дороги привели вечное горе в наш дом.

Была весна, когда над нашими школами нависла смерть, когда, проливаясь, дожди не освежили наших полей.

Цвели деревья, когда на наших ложах увяла любовь, когда наши невесты узнали бессонницу одиноких ночей.

Была весна, когда малыши за руку с родителями уходили в землю.

Не будь кровавыми слёзы, вновь зеленеть бы всходам.

Мы родились в горячем сорок первом, Тогда, когда пылал в огне весь мир. Свистели пули, накаляя нервы, И от отцов известий ждали мы.

Нам переданы были с пуповиной Тревоги материнские, нужда. Мы, не родившись, привкусом полынным, Пропитаны насквозь, уже тогда,

В утробах матерей. Осиротели Мы до рожденья в копоти войны. Мы в мазанках справляли новоселье, Не зная ни веселья, ни весны.

Все детские мечты – о корке хлеба. Разруха, голод, нищета вокруг. Мы видели дымящееся небо, Скупую ласку материнских рук. Коренья грызли, помогая в поле, Сухой травинки запах был нам мил. Нет, не забыть про холод в нашей школе, Про лёд в чернильницах взамен чернил.

Мы выросли, отцов своих не зная, На плечи хрупкие взвалив их груз. Отстроили от края и до края Мы заново разрушенный Союз.

Нам выпали и беды, и разлуки, Пороховой и смертоносный дым. Пускай войны не знают наши внуки! Пусть вечно будет небо голубым!

Этого часа великого Мы позабыть не должны. Едем на родину Быкова, Тропами ходим войны.

Ветер надул паруса мои, Долгие вёрсты – легки. Вот и деревня та самая С мирным названьем – Бычки.

Первая хата с околицы. Двор... Современный штакет... Здесь, в этой маленькой горнице, Он появился на свет.

Не журавлиными кликами – Грянула юность войной. Хата отцовская Быкова, Солнечный сруб смоляной.

Пройдены вёрсты суровые, Памяти раны саднят. Рядом – форсистые новые Хаты бычковцев стоят. Мир отдыхает и трудится, Хлеб потребляет и соль. Только одна эта, чудится, Хата вместила всю боль.

Так и стоит, не забытая, Редко грустя в тишине. Хата родимая Быкова, Ты и сейчас – на войне.

Дышащий памятью грозною Узел славянских тревог. Горе народное слёзное Переступает порог.

Сердце надеждой наполнится, Что ниспровергнуто зло. Тихо плывёт над околицей Быковской хаты тепло.

Вас было восемнадцать парней, Мы вас провожали в дорогу. Дорога к далёкой войне Вела от родного порога.

Всех вас мановеньем руки В предвиденье долгой разлуки Напутствовали старики И благословляли старухи.

Я помню – не плакала мать, В молчанье смотрела на брата, Поскольку, прощаясь, рыдать В обычае нет у бурятов.

Я помню сухие глаза И горе за твёрдостью этой, Поскольку в народе слеза Считалась плохою приметой.

Но каждому стало сдержать Рыданья вдвойне тяжелее В тот миг, когда русская мать Повисла у сына на шее. Но каждый крепился и знал, Что матери русского можно рыдать. И никто не сказал Ни слова кричавшей истошно.

Остриженные наголо, Не мальчики и не мужчины... В молчанье глядело село, Как тронулись тихо машины.

Дорога тянулась в пыли, Петляла, из виду скрывалась... А мы, помолчавши, пошли. И с этой поры мне казалось,

Что там, где гора Алхана*, Где скрылась дорога, петляя, Уже начиналась война, Граница её роковая...

Мне кажется порою, что солдаты, С кровавых не пришедшие полей, Не в землю эту полегли когда-то, А превратились в белых журавлей.

Они до сей поры с времен тех дальних Летят и подают нам голоса. Не потому ль так часто и печально Мы замолкаем, глядя в небеса?

Сегодня, предвечернею порою, Я вижу, как в тумане журавли Летят своим определенным строем, Как по полям людьми они брели. Они летят, свершают путь свой длинный И выкликают чьи-то имена. Не потому ли с кличем журавлиным От века речь аварская сходна?

Летит, летит по небу клин усталый – Летит в тумане на исходе дня, И в том строю есть промежуток малый

Быть может, это место для меня!

Настанет день, и с журавлиной стаей Я поплыву в такой же сизой мгле, Из-под небес по-птичьи окликая Всех вас, кого оставил на земле.

Будь ты и впрямь с кулачок, не боле — Благословен ты в родной стороне! Что не скорбишь ты по Ириноле? Что не скорбишь ты по Ириноле? Что не скорбишь ты по Ириноле? Скорбь опалила земли половину, Небеса растопила в огне. Кто, скажите, знавал Ирину, кто, скажите, знавал Ирину, кто расскажет об Иринэ? Еще испечется и боль утишит Лепешка сиротская — дань старине. Только кто же О ней напишет, Кто расскажет об Иринэ?

Многое девочке обещала Жизнь. Испытала – только в огне! В Польше грузинский край защищала, На врагов восстав, Иринэ. В траншее встала и смерть попрала: Встречала пулею сто смертей. ... Грузия, ты не имеешь права смерти своих уступать детей. Ее могила – гора в Повинска. Как часовые, стоят при ней Ромашки Польши у обелиска, Но не увидит их Иринэ. Она восстала и смерть попрала: Встречала пулею сто смертей. ... Грузия, ты не имеешь права, -Слышишь? – на смерть обрекать детей.

...Когда не кровавы, тревожны дни наши, но в наших сердцах стеною стоит невозможность устроиться в лучших краях.

Не раз мы смотрели, как пляшет жестокое пламя, но вот суровая родина наша из пепла опять восстает!

Нас бьют и огнем и проказой за то, что известно в веках: бессмертное сердце Кавказа стучит в этих черных горах.

И нам эту правду, нетленной, до самого края пронесть... В бескрайних просторах Вселенной одна Ингушетия есть!

1941 год, завьюжил он, Мороз трещит. Аул весь снегом занесён. Война, зияя бездной, продувает Стихию неба, землю, слышен стон.

Восстань!

Взывать и завтра будет нагло Война к трудолюбивым бедолагам: Вместо лопаты взяв оружие на брань, Она исполнит роль врага с отвагой. Взывать война и завтра будет нагло.

На небе месяц – старая подкова, Подует ли мороз трескучий снова?! Здесь бабушка моя на родине своей Вшивает амулет в карман холщёвый.

А он сидит.

Теперь всё выпито до дна, И разум беспокоит малая мечта. Взбодрись, отец. Известна же тебе борьба, Борьба необходима сильным как судьба.

Надежда где, к чему такой упадок? Взбодрись, отец. В дорогу тебе надо. Пока в груди твоей есть нищая душа, Она и без тебя отыщет благо.

Тебя я не утешу, Мама, ты постой, С молитвой к небесам ты обратись простой.

А если наш хозяин дома не вернётся, Отец найдётся ль нам когда-нибудь другой?!

... Просила Мама милая, молилась, Мечта, однако, не осуществилась. Не верю вовсе в то, что мой отец погиб, Ведь он живым из дома удалился...

Сегодня я своё поставил имя Под мудрым обращением к народам Прекрасной нашей солнечной планеты, Которая уже сейчас, быть может, Несётся На трагическом витке. И было ощущение такое, Что расписался я не на бумаге, А на рассветном чистом небосводе, На синем море, На зелёном поле, На белом снеге наших древних гор. Как сын великой Матери-природы, Я расписался в том, Что это небо, Что это солнце, Море, поле, горы Мне дОроги, Как собственные дети, Читающие первые слова.

Земля – такая добрая планета... Вот хлеб Земли – Он утолит ваш голод. Вода Земли – она спасёт от жажды. Торя пути На всех просторах жизни, Мы сладко дышим воздухом Земли. Кто мир отвергнет – Тот отвергнет Землю, Отвергнет наших предков – Наши корни, Отвергнет тех, Кто должен нас продолжить В трудах, В испепеляющей любви, И, вызвав к жизни на себя похожих, Передавать им наши имена.

Многим выпала доля такая – В той войне не дойти до конца. Едет девушка коми к Дунаю, Чтоб увидеть могилу отца. Вот положен цветок, что из дому С материнским приветом везла, Вот и песенка спета по-коми, Чтобы слышал, что дочка пришла. Невеселая песня: о том, как Молодежь через Эжву плывет, Да о том, как в заречной сторонке Человек одинокий живет. Есть у девушки песня иная, Только грустная вспомнилась ей. ... Голубая волна на Дунае Стала нынче чуть-чуть солоней.

Лишь светлый вечер синевою Коснётся улиц на ходу – Я, как мальчишка, над Невою Салюта праздничного жду.

И он встаёт в полнеба снова Раскатом грома надо мной — То золотистый, то багровый В огромной радуге цветной.

Как будто в огненное чудо Вдруг превратились все цветы Моей родной весенней тундры – И расплескались с высоты.

Огни налево и направо – Как будто празднично-светло Над городом великой славы Сиянье Севера взошло.

Цветёт торжественно и броско Над всей ликующей Невой, Над Стрелкой василеостровской И над «Авророю» родной. Встаёт над вечными огнями, Над Петропавловкой седой — И, рассыпаясь лепестками, Соединяется с водой.

Салют, как солнечная птица В высоком звёздном вираже, В глазах восторженно искрится И отражается в душе.

И кто-нибудь сумеет разве Когда-нибудь остановить На улице советской праздник, И жажду вечную – творить!

И как за подвиги награда Нам после вахты трудовой Гремит салют над Ленинградом, Гремит над гулкою Невой!

И вижу я сквозь расстоянья Средь светлых праздничных шагов Моё ямальское сиянье Над белой памятью снегов!

О детстве своём Вспоминать нелегко мне. Уж слишком была Безотрадной пора. Но день тот весенний Так ярко я помню, Как будто встречал его Только вчера.

Казалось, повсюду — От края до края — Была по-особому Тёплой весна. Ведь нам В сорок пятом Девятого мая Победу и Мир Подарила страна...

Всю ночь обстреливали дом, распарывая мглу, и в самом прочном и глухом теснились мы углу.

И перестрелок кутерьма гнала надежды прочь: во все окрестные дома стреляли в эту ночь.

Всю ночь стреляли по нему, по свету давних дней. По детству били моему, по юности моей,

по жизни прошлой, что была плоха иль хороша, но вихрем огненным не жгла, все бешено круша...

Солидно ухал миномет. Спасал нас под огнем дом, ненадежный наш оплот, с пробитой крышей дом...

Одной в избе живётся нелегко. Состарилась и сильно зябнуть стала. Согреться села у окна. В ушко Иголки Нитку вдеть пыталась, Ho-Рука дрожала. А в глазах слеза Туманила знакомые предметы, На стенах пятна света. Какие-то глухие голоса Как будто окликали... «Платон! Не ты ли, мой сынок, Платон?! Мой первенец...» Едва ли – Ушёл на фронт и не вернулся он.

«Микиша? Ты? Мой младшенький сынок...» Едва ли — Он на фронте в землю лёг. И Митрий, муж... Как ей не горевать? Давно прошла война, Но слёзы не унять. И шепчет бывшая жена и мать: «Ну почему же не берёт на небо Бог?!»

К окошку села, чтоб зашить платок, Но нитка не вставляется в ушко – Оно от горя стало так узко!..

Сколько лет подряд Ловлю за собой вслед Чьей-то матери взгляд, Годами выстраданный, Траурный, пристальный... У матери сына взяла война, У матери сына не стало. Ходит она, дышит она, A жить – перестала. Горе с матерью – неразлучимо. Сердце матери – неизлечимо. По улице иду ли зеленой, Любуясь весною, не зная заботы; Спешу ли на свадьбу, домой ли с работы, Или с подругой, влюбленный, Хожу, свежевыбрит, в сорочке шелковой, голубой, – Вижу перед собой Матери, траур носящей, глаза, Ждущие чего-то глаза, Завидующие чему-то глаза. Сколько раз себе повторяю: «Самому ничего не надо!» Уверяю: моя отрада –

В том, чтоб счастливы были люди.

Все, что нужно людям, – да будет!

Будет дом и чистое сердце, Будет полная чаша, щедрость, Будут дети, и будет правда, Будет музыка и веселье! О, я людям хочу только счастья! Почему ж при виде меня День ото дня все чаще У матери, траур носящей, Наливаются болью глаза, Ждущие чего-то глаза, Завидующие чему-то глаза? С тех пор принеси ей платье любое: Красное, желтое, белое, голубое, – У нее лишь один ответ готов: «Hem!» И черный наденет цвет – Больше не видит она цветов. В трауре мать... одинокая мать... Стоит лишь взгляд мне ее поймать, И весь я дрожу от боли... Люди! Ослепли вы, что ли? Люди! Глядите острей: У матерей Горем наполненные глаза, Ждущие чего-то глаза, Завидующие чему-то глаза.

Не отпускает меня один вопрос извечный: Лишь воевать, что ли, выпало нам, божьим рабам? Глянь, как на марше ногами стучит человечек, Можно подумать, под ним не земля – барабан.

Героическому Ленинграду, где в тяжелые блокадные дни печатались учебники для таджикских детей, и моему первому учителю, защищавшему город Ленина, посвящаю

В память о днях, что давно пролетели, Но днях не забытых. В память о письмах любви, Непрочитанных и нераскрытых, В память погибших сердец, Что штыком или пулей пробиты, В память живущих сердец, Что в войну еще были убиты, В память обоих устодов, Что жили и умерли вместе, В память тех раненых книг, Чей приход в наш кишлак был чудесен, Я, как посев, начинаю О прошлом и будущем песню, – Зернам ее благодатным В звенящей душе моей тесно! – О Ленинград! Город Ленина! Город отважных героев! Сколько бессмертных солдат Под кладбищенской дремлют травою!

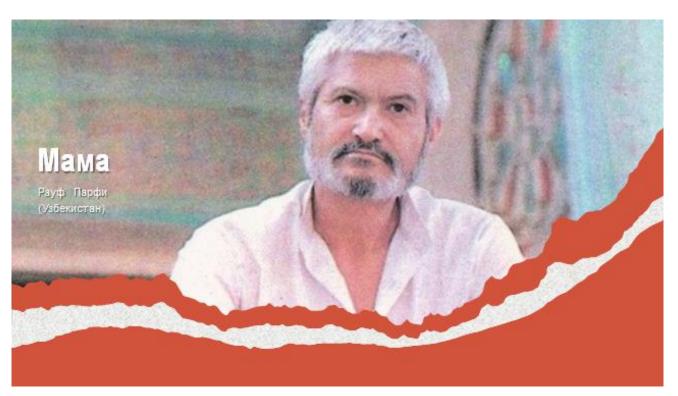
Сколько мужчин, СКОЛЬКО женщин отважных. Рожденных тобою. Шли сквозь блокадные дни С гордо поднятою головою! Это они через ветер свинцовый, В мороз и метели «Жизни дорогу» пробили, Хоть жизни своей не жалели. Это они, что порою Неделями хлеба не ели, Знания хпеб для таджикских детей. В горы выслать сумели. О ленинградцы!.. Мы помним, Хоть дни и года быстротечны, Как же вы были Душою и сердцем сильны бесконечно! Как же вы были Добры, благородны, сердечны!.. Верьте и знайте: Вы в памяти – вечны! Вы в памяти – вечны!

Возле Киева друг его первый упал, а второй друг – на Одере. И потому, зубы сжав, всю Европу солдат прошагал, и Европа сказала спасибо ему.

В край родимый с победой вернулся солдат. Мать-старушка на радостях справила той. Ведь солдаты не только в могилах лежат, а домой возвращаются с фронта порой!

Нет покоя вернувшимся!
Этот закон
завещали живым те, кто пал на снегу,
а живые,
уж так повелось испокон,
перед павшими в битвах
в неоплатном долгу.

Скажите, мама, что такое:Взлетело – не достать рукой?Что вверх ушло, а не в песок...Твои мечты, видать, сынок.

- Мечты уходят ну и пусть!.. Мне на земле найдется путь? – Сыночек, так не говори: Дорог полно – и все твои.
- А это кто, как смерть, в тени Стоит лишь руку протяни?– Отец приходит в наши сны...А смерти нет. И нет войны.

Упал на холодную озимь

Подкошенный пулей Солдат. И неба свинцовую просинь Окрасил багровый закат...

Он спит

Уже долгие годы. Земля для него — Словно пух. Над ним пробиваются всходы, Травой поднимается луг.

Лежит он

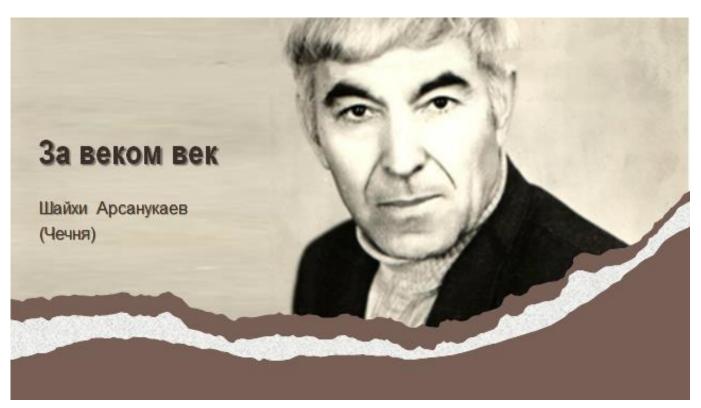
У края покоса, Где синяя мята цветёт, И прямо из сердца Берёза В высокое небо Растёт.

И мальчик

Под деревом этим Играет под сенью листвы. И нежно Касаются ветви Белёсой его головы.

Память о войне во мне осталась, И ничем ее не отскрести. Все при мне, что в детстве мне досталось Перевидеть и перенести. Хлебные едва увижу крошки – Вспомню, как в лихие времена Мать, собрав, глотала их с ладошки, Будто целовала их она. Я теперь и сам уже не молод, Но и нынче, в мирной тишине, Зимний холод, мимолетный голод Мне напоминают о войне. Вспоминаю все, что за плечами, Все, что было пройдено в былом: Как пришлось рыбацкими ночами Мне, мальчишке, действовать веслом. И с ладоней давние мозоли Не сошли – укрылись в глубине, И в спине внезапный приступ боли – Это тоже память о войне. Много лет прошло, но если нынче Женский плач услышу в стороне, -По какой бы ни был он причине, Он вспоминает о войне. Но и та, сильнее год от года, С той поры звучащая во мне Вера в несгибаемость народа – Это тоже память о войне!

Сквозь явь и сон Пройдёт и этот век, Оставив в слове Песни, были, сказы. На свет явившись, Крепнет человек, И мать ему прощает Все проказы. За веком век... А солнце без причин Смеётся и сияет над востоком. Мальчишки превращаются в мужчин И полнят сердце матери восторгом. За веком век Проходит строй ребят. Их – воинов – В огонь войны кидают. И снова трубы медные трубят, И матери вослед сынам рыдают...

и в ряд стоим – спиной друг к другу:

проталкиваем передних в лавку:

вода и кровь от матерей

в одежде! – обнявшись

прыгаем во тьме:

лишь где-то:

лес:

готов как будто

до дна – раскатом озариться:

меня проталкивают: «как душу именуешь?»: сквозь ветер я кричу: «о может быть Тоска

по – может быть – единственному

Полю?»:

и останавливаемся: эхо к нам доносится:

друг другу руки мы кладём на плечи:

и так же прыгаем во тьме:

и в вихре мы

белея

открываемся:

как будто сами – место для прихода

кого-то:

словно яркая поляна:

где ветер как виденье носится:

нас отовсюду ослепляющее:

и слов не слышно:

ни о чём: не думается

Не забывайте о войне. Своим потомкам передайте Как гибли прадеды в огне, Вы подвиг предков не предайте.

Не забывайте обелиски На месте подвигов былых. Пускай война уже не близко, Вы, всё же, помните о них.

Не забывайте, в праздный час, О тех, кто на войне остался. Гордитесь теми, кто за Вас В последний, смертный, бой поднялся.

Не забывайте никогда Заплаченную ими цену. Храните в памяти, тогда, Не обесцените победу.

Пусть шепчут, в спину Вам, враги:

– Забудьте след былых времен...

Но прошлый опыт говорит:

– Забыл победу – побежден!

Не забывайте о войне. Держите флаг победы выше. Наказывает жизнь, вдвойне, Победу и беду забывших.

Послевоенное поколение

Я о войне могу сказать так мало, Мне не пришлось гореть в её огне, Я родилась, когда войны не стало И верилось, не будет на земле.

Назвав послевоенным поколеньем, Растила нас, лелеяла страна, Среди потерь и страшных разрушений Мы знали слово грозное ВОЙНА.

Смотрели фильмы и читали много, Рассказывала мама про войну. Учитель по истории безногий Молчал подолгу, подойдя к окну.

Мы были для страны своей орлята, Полшколы выросшие без отцов, Осиротевшие в войне ребята, О ней мы знали и без всяких слов.

Еда простая, платья без изысков, Мечты о том, что будет впереди. Светились красным звёзды обелисков, И галстуки, что были на груди.

Мы в играх подражали всем героям, Панфиловцы, Матросов, Кошевой, Не раз мы «повторяли» подвиг Зои, Нам каждый был из них почти родной.

Я о войне могу сказать не мало, В шкатулке треугольничек письма, И ордена отца, его медали Оставила на память нам война.

Отцов победа стала нам наследством, Мы - дети победителей в войне. И в мире нет нигде такого средства, Чтоб нас заставить позабыть о ней.

Я о войне могу сказать так много, Пусть не пришлось мне быть в её огне, Но трудная военная дорога Прошла сквозь душу по моей судьбе.

Ольга Анциферова

Ознакомительное издание

Мы – наследники Победы о войне стихами говорим

Составитель Калинина О. И.

